

⁶ Будников, В.Л. Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве / В.Л. Будников. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – С.22.

⁷ Там же. – С.23.

⁸ Там же. – С.82, 83.

⁹ Там же. – С.62, 63.

¹⁰ Шейфер, С.А. Понятие доказательства: дискуссия не завершена / С.А. Шейфер // Право и государство. – 2005. – № 1. – С.123.

¹¹ Фойницкий, И.Я. Указ. соч. – Т.2. – С.305.

¹² Будников, В.Л. Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве / В.Л. Будников // Российская юстиция. – 2005. – №7. – С.11.

¹³ Лопаткин, Д.А. Вещественные доказательства: процессуальные и криминалистические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук / Д.А. Лопаткин. – Краснодар, 2003. – С.29.

¹⁴ Будников, В.Л. Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве. – С.41.

¹⁵ Там же. – С.42.

¹⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – 2-е изд., изм. и доп. / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М., 1997. – С. 51.

¹⁷ Висков, Н.В. Специальная конфискация: правовая природа, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения исполнения: монография / Н.В. Висков. – Волгоград, 2006. – С. 100.

*Т.Ю. Цапаева, В.А. Яблоков**

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА (ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

Судебный контроль за досудебным производством сложился и эволюционирует, испытывая вполне естественное влияние не только теории и практики, но и отечественного опыта прошлых лет. Обращение

* © Цапаева Т.Ю., Яблоков В.А., 2007

Цапаева Татьяна Юрьевна – канд. юрид. наук, доцент, Самарский государственный университет

Яблоков Вячеслав Анатольевич – канд. юрид. наук, доцент, Самарский государственный университет

в этой связи к российской истории позволит учесть особенности развития нашего государства при разработке современной теории судебного контроля и оценить возможности ее практического воплощения. Анализ законодательства свидетельствует о том, что контроль со стороны суда за деятельностью органов расследования — не новое явление для уголовного процесса России. Он существовал и в прежние периоды развития российского государства. Продолжающееся в настоящее время реформирование уголовно-процессуального законодательства основывается на возрождении многих прогрессивных идей, выдвинутых еще учеными прошлого столетия и отвергнутых в советский период. В этой связи использование исторического подхода к изучению судебного контроля за предварительным расследованием позволит «более глубоко проникнуть в его сущность, объяснить условия и причины его долговременного пребывания «в небытии», основания имеющих место попыток законодательной «реанимации», возможные пути и перспективы развития в нынешней ситуации кардинального реформирования экономических, политических, социальных и правовых устоев российского государства»¹.

На наш взгляд, наличие у суда контрольной функции возможно только в государстве, в котором власть разделена между различными его органами. Впервые в российской истории попытку отделить суд от администрации сделал Петр Великий². Она не увенчалась успехом, что было обусловлено рядом исторических условий того времени. Между тем в период царствования Петра I 22 февраля 1711 года был создан Правительствующий Сенат — орган, обладающий судебными функциями. Одним из структурных подразделений Сената была Юстиц-коллегия, являвшаяся, по мнению В.А. Азарова и П.К. Мацака, «прообразом органа судебного контроля, обладавшая правом проверки жалоб, а также донесений фискалов о неправосудных решениях, злоупотреблениях и нарушениях, имевших место в низших — провинциальных, единоличных городских или надворных судах»³. Безусловно, данное полномочие Юстиц-коллегии носило контрольный характер, однако было направлено не вовне, а внутрь судебной системы того времени.

Возникновение в России контроля со стороны суда за следствием в современном понимании произошло лишь в 1775 году. Именно в этом году Екатерина II подписала «Учреждения для управления губерний», с изданием которых в России впервые стало возможным отстаивать в суде право на свободу и личную неприкосновенность. Ст. 401 «Учреждений» предоставляла суду право контролировать законность и обоснованность содержания под стражей. Арестованный имел право подать прошение в случае, если он «содержится в тюрьме более трех дней, и в те дни

ему не объявлено, за что содержится в тюрьме, или что он в те три дня не допрошен», и, если прошение удовлетворялось, административные органы обязаны были исполнить судебное повеление «не мешкав ни часа, где получены будут»⁴. Данное прогрессивное положение по сути было восстановлено более чем через 200 лет и в определенной степени являлось прообразом закрепленного в ст. 220¹ УПК РСФСР права суда проверить законность и обоснованность ареста. Кроме того, ст. 406 «Учреждений» предписывала должностному лицу губернской прокуратуры (стряпчему) в некоторых случаях просить суд издать распоряжение об аресте обвиняемого в совершении преступления, а также провести следствие по делу⁵. Хотя перечисленными положениями исчерпывались возможности суда контролировать расследование уголовного дела, нельзя недооценивать значение «Учреждений» 1775 года для становления и развития института судебного контроля за предварительным расследованием. В них были заложены основы контрольной функции суда, получившие дальнейшее развитие в законодательстве следующего периода.

С 1775 года до реформ середины XIX века серьезных изменений в правовой регламентации судебного контроля и уголовного судопроизводства в целом не произошло. Это обусловлено пассивностью государства в законотворческой сфере. Проведенная под руководством М.М. Сперанского в первой трети XIX века систематизация законодательства носила характер консолидации, объединяющей воедино все ранее изданные акты, и завершилась в 1832 году изданием Свода законов Российской Империи. Книга 2 («О судопроизводстве по преступлениям») тома 15 («Свод законов уголовных») Свода предоставила суду полномочия по косвенному контролю за качеством расследования — возможность предписать полиции устранить пробелы доследованием ввиду крайней неполноты следствия, а также потребовать в случае необходимости дополнения дела справками и иными документами⁶. Для законодательства того периода это было прогрессивным положением, способствовавшим устранению явных недостатков полицейского расследования.

Усилению самостоятельности судебной власти и созданию реальных возможностей ее влияния на органы расследования способствовало издание в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Названный акт предоставил суду право привлекать к дисциплинарной и административной ответственности чиновников, осуществляющих расследование преступлений и допустивших нарушения сроков допроса арестованных, волокиту и незаконные методы допросов обвиняемых или свидетелей (ст. 460–462)⁷. Наличие у суда подобных полномочий являлось условием повышения эффективности расследования уголовных дел,

стало механизмом повышения качества предварительного расследования и гарантией недопустимости пристрастных допросов и других незаконных действий в отношении обвиняемых. Однако отсутствие четкого разграничения властных функций, возможность влияния и давления на суд со стороны властей административных нивелировали эти прогрессивные положения закона.

Кардинальным образом положение изменилось после проведения реформ 1864 года, которые до сих пор считаются самыми демократичными и прогрессивными в истории России⁸. Существенной перестройке был подвергнут весь уголовный процесс. На законодательном уровне была проведена идея о независимости и самостоятельности суда. В ст. 1 «Основных положений уголовного судопроизводства» от 29 сентября 1862 года было закреплено, что «власть судебная отделяется от исполнительной, административной и законодательной», а ст. 5 гласила: «Власть судебная, т.е. рассмотрение уголовных дел и постановление приговоров, принадлежит судам без всякого участия властей административных»⁹. Ряд других положений, содержащихся в принятых 20 ноября 1864 года Судебных уставах (о несменяемости судей, их ответственности только перед вышестоящими судебными местами, учреждение института судебных следователей и др.), стали условиями эффективной реализации введенного в уголовный процесс механизма судебного контроля за предварительным расследованием, который теперь был нормативно оформлен в качестве института уголовно-процессуального права. Об институализации судебного контроля свидетельствует наличие в Уставе уголовного судопроизводства целого комплекса норм, гарантировавших участникам судопроизводства судебную защиту основных прав и свобод от произвола со стороны органов, ведущих расследование по делу. Помимо отдельных положений, вкрапленных в текст Устава, данный акт содержал специальную главу, регламентирующую предмет обжалования и порядок рассмотрения жалоб на действия следственных органов «О порядке обжалования следственных действий вообще». Формированию судебного контроля за следствием способствовала и передача следователей в судебное ведомство, что делало их подотчетными и подконтрольными суду. В таких условиях вполне закономерным было решение законодателя о рассмотрении окружным судом всех предусмотренных законом жалоб на действия судебного следователя, предпринятые в ходе производства по делу. Законодательное же закрепление возможности обжалования стало возможным благодаря усиленному вниманию к этой проблеме со стороны ученых того времени, которые развивали и обосновывали систему гарантий прав личности от произвола властей в госу-

дарстве. Особое значение таким гарантиям они придавали в сфере уголовного судопроизводства, поскольку «процесс уголовный всего более вторгается в область частных прав и интересов, он подвергает их наибольшей опасности»¹⁰. Эффективным средством «предупреждения опасности, угрожающей сторонам, в особенности обвиняемому ... могут служить ... развитие системы обжалования решений»¹¹. По мнению Ю. Глазера предоставление права принесения жалобы на действия органов расследования приведет к утверждению таких правил судопроизводства, «которые бы служили ручательством в том, что в этой важной отрасли деятельности государственной власти будет существовать такой же **контроль** и такая же ответственность, как в других областях управления, и что при существовании высшего надзора за органами преследования они будут действовать беспристрастно, руководясь исключительно требованиями самого дела, не оказывая снисхождения одним и не причиняя вреда другим лицам» (выделено мною. — *В.Я.*)¹². Положительная оценка предоставленных суду Уставом уголовного судопроизводства контрольных полномочий содержится и в работах более позднего периода. Так, М.В. Духовской писал, что «обжалование следственных действий поставлено в судебных уставах широко для обеих сторон и вообще организовано гораздо правильнее, чем, например, во французском процессе»¹³. П.И. Люблинский, обосновывая и развивая идею личной свободы и ее обеспеченности в уголовном процессе, в числе гарантий этой свободы выделял специальный надзор за правильностью подследственного заключения и обжалование назначенных мер обеспечения, отмечая при этом, что «принятие мер обеспечения есть судебная функция»¹⁴. Схожего мнения о роли судебной власти в обеспечении неприкосновенности личности и недопустимости произвольного лишения человека свободы придерживался и Н.Н. Полянский: «Судебное ограждение личной свободы достигается прежде всего установлением в виде общего правила, что в каждом отдельном случае лишение свободы должно исходить от судебной власти или подлежать ее **контролю**» (выделено мною. — *В.Я.*)¹⁵.

Таким образом, процессуалисты второй половины XIX века положительно оценивали законодательство, предоставившее суду возможность проверять законность деятельности органов расследования и тем самым наделившее суд полномочиями, образующими в своей совокупности контрольную функцию. Каково же было содержание данной функции и насколько эффективно органы судебной власти могли гарантировать права и свободы личности от необоснованных нарушений?

Анализ положений Устава уголовного судопроизводства дает основания говорить о существовании нескольких форм судебного контроля за предварительным расследованием. Согласно Уставу существовало два

вида производства по уголовным делам в зависимости от тяжести совершенного преступления: производство в мировых судебных установлениях и производство в общих судебных местах. Характер и объем контрольных полномочий органов судебной власти был различен в зависимости от вида производства. Однако существовал ряд контрольных полномочий, которыми обладали все судьи. Эти полномочия были направлены на пресечение незаконного содержания лица под стражей. Согласно ст. 10 Устава каждый судья, который в пределах своего участка или округа удостоверится в содержании кого-либо под стражей без постановления уполномоченных на то мест и лиц, обязан немедленно освободить неправильно лишенного свободы. Кроме того, в обязанности судей входил надзор за соблюдением условий содержания арестованных. Судья, до сведения которого дошло, что в пределах его участка или округа кто-либо содержится не в надлежащем месте заключения, должен принять меры к содержанию его в установленном порядке (ст. 11). Правда, закон не разъяснял, каким образом к судье может поступить подобная информация, за исключением случая подачи жалобы самим арестованным, и не устанавливал ответственность за нарушения судьей данных обязанностей, что позволяет отметить некоторую декларативность приведенных положений. О слабой эффективности подобного контроля свидетельствует также ограниченность оснований для освобождения: отсутствие постановления об аресте, что лишало судью возможности проверить правильность самого постановления как с формальной (законность), так и с материальной (обоснованность) стороны. Указанными правами исчерпываются контрольные полномочия, свойственные для судей обоих ведомств.

Далее закон по-разному решает вопрос об объеме и содержании судебного контроля за предварительным расследованием в зависимости от вида производства.

I. Основное различие между указанными видами производств заключалось в том, что по делам о преступлениях, подсудных мировым судьям, следствие не проводилось. Основу обвинения лиц в этих преступлениях¹⁶ составляли материалы полицейского дознания или содержащиеся в частной жалобе данные, что обуславливало наличие у мирового судьи права самостоятельно производить отдельные следственные действия или давать поручения об их проведении полиции.

Так, согласно Уставу «осмотры, освидетельствования и обыски производятся или самим мировым судьей, или, по его поручению, чинами местной полиции» (ст. 105), причем на полицию это возлагается «только тогда, когда по каким-либо особым обстоятельствам эти действия

не могут быть исполнены им лично и не представляется возможности отложить их до другого времени» (ст. 106).

С точки зрения судебного контроля за расследованием наибольший интерес для нас представляют следующие положения Устава. Во-первых, мировой судья имел право и реальную возможность проверить законность реагирования полиции на факт совершения преступления. Ст. 48 Устава обязывала полицию произвести розыскание в случае обращения лица, понесшего от преступления вред или убытки, и «о последствиях представить мировому судье». В данной норме можно выявить определенные зачатки существующего в настоящее время судебного контроля за законностью и обоснованностью отказа в возбуждении уголовного дела органами расследования.

Во-вторых, Устав содержал положение, обязывающее мирового судью лично проверить законность произведенного полицией осмотра, обыска или освидетельствования в случае наличия у одной из сторон «уважительных причин сомнения в достоверности» произведенного действия (ст. 107).

В-третьих, закон наделял мирового судью определенными рычагами воздействия на органы полиции в случае неисполнения ими своих обязанностей: «делать полицейским чинам предостережение, а о важных с их стороны упущениях сообщать прокурору или его товарищу» (ст. 53).

В-четвертых, согласно Уставу применение мер пресечения входило в компетенцию органов судебной власти, хотя из этого общего правила были исключения (ст. 256, 257). В силу этого в число полномочий мирового судьи входило право применить к обвиняемому одну из мер пресечения: подписку о явке, истребование вида на жительство, поручительство, залог или подвергнуть личному задержанию (арест) (ст. 77). Контроль за правильностью ареста, произведенного мировым судьей, осуществлял мировой съезд. Жалоба на арест подавалась самому мировому судье, который был «обязан представить ее в съезде вместе со своими объяснениями в течение суток от времени получения» (ст. 154).

Изложенное свидетельствует о том, что основы закрепленного в ныне действующей Конституции РФ (ст. 22) и в УПК РФ (ст. 29 и 108) положения об ограничении личной свободы человека только на основании решения суда были заложены в законодательстве России еще в XIX веке.

II. При производстве в общих судебных установлениях контроль со стороны суда был более широкий. Наибольший интерес с этих позиций представляют положения Устава, оформившие институт обжалования следственных действий, который выступал прообразом предлагающейся в современной процессуальной науке концепции беспробельного су-

дебного контроля за расследованием. Об этом свидетельствуют следующие моменты.

Во-первых, неограниченность круга субъектов, обладающих правом принесения жалобы в суд. Согласно закону это мог быть и обвиняемый, и свидетель, и сведущее лицо, и поручитель, и понятые и т.д. (ст.490, 491).

Во-вторых, оптимальное определение оснований подачи жалобы – нарушение или иное стеснение прав лица при производстве следственных действий (ст.490, 491).

В-третьих, предоставление права на рассмотрение жалобы судом до окончания следствия по делу, т.е. «до поступления дела в суд» (ст. 494), что способствовало быстрому восстановлению нарушенных прав и повышению эффективности их защиты.

Кроме того, заслуживают внимания и чрезвычайно сжатые сроки направления жалобы в суд и ее рассмотрения. Так, согласно ст. 499 «поданная жалоба с надлежащим по ней объяснением должна быть отправлена по принадлежности в течение трех дней со времени ее подачи, а в случаях, когда жалоба приносится на лишение свободы, – в течение суток». Суд же был обязан приступить к рассмотрению жалобы «не далее как в первый присутственный день» по ее получении (ст. 501). Анализ закрепленного в Уставе порядка рассмотрения жалоб в суде свидетельствует о его состязательном начале. После оглашения предмета жалобы и всех относящихся к ней сведений одним из членов суда (ст. 502) следовали словесные объяснения подавшего жалобу лица, если оно «находится налицо» (ст. 504). Опровергать же доводы жалобы должен был прокурор, в обязанности которого входила дача заключения перед разрешением жалобы (ст. 505). На основе проведенного исследования суд выносил решение, оформлявшееся в виде определения и подлежащее безотлагательному исполнению (ст. 508).

И, наконец, процессуальные последствия контрольной деятельности суда позволяют говорить о высокой эффективности судебной защиты прав участвующих в деле лиц. В соответствии со ст. 507 Устава суд вправе был признать следственные действия, произведенные с нарушением прав граждан, недействительными со всеми вытекающими из этого последствиями. Это обстоятельство, на наш взгляд, способствовало укреплению уважительного отношения со стороны судебных следователей к правам человека и повышению качества материалов следствия.

Несмотря на прогрессивность существовавшей в тот период модели судебного контроля за предварительным расследованием, она обладала одним существенным недостатком. Из предмета судебного контроля при

производстве в общих судебных установлениях были изъяты действия полиции. Их обжалование согласно ст. 493 Устава допускалось только прокурору. Однако такое положение вполне объяснимо. Прокурор как орган, осуществляющий уголовное преследование и поддерживающий обвинение, «должен озаботиться о собрании необходимого для этого материала»¹⁷, т.е. надзирать за расследованием дела с целью формирования комплекса допустимых и достаточных для обвинения доказательств. Но производство следствия чиновниками от суда и провозглашение независимости судебной власти существенно сузили надзорные полномочия прокурора. «Следователь есть член судебной коллегии и самостоятельность его менее будет ограничена, если за действиями его будет следить коллегия суда»¹⁸. При таком положении прокурор вправе был лишь давать предложения судебному следователю о производстве предварительного следствия (ст. 278), присутствовать при производстве следственных действий (ст. 280), предъявлять следователю законные требования по поводу собирания доказательств, избрания, изменения или отмены меры пресечения, а также дополнения предварительного следствия (ст. 281, 283, 285, 286). Полиция же не входила в систему судебных органов, в силу чего надзор за ее действиями и руководство ею вполне закономерно были возложены на прокурора: «По производству дознания о преступных деяниях полицейские чины состоят в непосредственной зависимости от прокуроров и их товарищей» (ст. 279). В таких условиях логичным было предоставление права рассматривать жалобы на действия полиции прокурору. Таким образом, существовал двойной порядок обжалования действий и решений органов расследования: на акты судебного следователя — в суд, на акты полиции — прокурору. Однако уже тогда двойной порядок обжалования критиковался учеными. Так, в Систематическом комментарии к Уставу уголовного судопроизводства отмечалось, что при работе «в комиссии по дополнению Судебных Уставов 1894-1899 гг. И.Я. Фойницким и В.К. Случевским было высказано мнение о необходимости направления всех жалоб на действия полиции по производству дознания и следствия в окружной суд»¹⁹. Подобный порядок способствовал бы унификации института судебного обжалования и усилению судебной власти как гаранта прав личности в уголовном процессе.

Помимо обжалования действий органов расследования в Уставе сохранился ряд других положений, регламентировавших контроль суда за следствием. К их числу следует отнести контроль за законностью и обоснованностью наложения ареста на имущество, осмотра и выемки почтовой корреспонденции, за правильностью прекращения уголовно-

го дела, а также опосредованный (последующий) контроль за качеством расследования, осуществляемый в форме предания суду.

Законодательство того периода признавало и гарантировало неприкосновенность имущества. Ограничение права частной собственности допускалось только на основании судебного решения. Так, в ст. 268 Устава было закреплено, что в случае обнаружения судебным следователем необходимости принятия мер «к обеспечению могущего пасть на обвиняемого денежного взыскания или иска о вознаграждении за вред и убытки, причиненные его действиями, то о наложении запрещения или ареста на имение обвиняемого входит с представлением в окружной суд». Контрольную деятельность суда при решении подобного вопроса очень точно в свое время охарактеризовал В. Случевский как вполне самостоятельную и проявляющуюся в «проверке основательности представленных следователем данных в подтверждение своего представления»²⁰.

Тайна частной жизни также охранялась государством. С 30 октября 1878 года, когда в Устав были внесены изменения, ограничение тайны почтовых и телеграфных сообщений допускалось только с согласия органов судебной власти. Согласно ст. 368¹ Устава осмотр и выемка почтовой корреспонденции производились только по решению окружного суда, который во внеочередном порядке рассматривал представление следователя с точки зрения законности и обоснованности и постановлял произвести испрашиваемые действия либо отказывал при отсутствии оснований²¹.

В Уставе содержались также правила, ставшие преградой на пути злоупотреблений органов расследования и исключившие возможность необоснованного прекращения ими уголовного преследования своей властью. «Производство следствия может быть прекращено только судом» — гласила ст. 277 Устава. В случае выявления судебным следователем оснований к прекращению производства по уголовному делу он обязан передать дело через прокурора в суд для решения данного вопроса. Прокурор, усмотрев основания «для прекращения или приостановления следствия по неосновательности обвинения или другим законным причинам», направляет в зависимости от вида преступления свое заключение в окружной суд или судебную палату (ст. 518, 523). К заключению прокурора прилагается «все подлинное следствие», что позволяло суду решить вопрос на основе полного и всестороннего исследования обстоятельств дела (ст. 525). В случае разногласий между прокурором и окружным судом по поводу прекращения дела спор разрешается судебной палатой (ст. 528).

Таким образом, принятие Устава уголовного судопроизводства ознаменовало новый этап в историческом развитии функции судебного контроля за предварительным расследованием в России. Содержащиеся в нем нормы стали воплощением многих прогрессивных идей, волновавших умы ученых того времени, и образовали стройную систему гарантий прав личности от произвола органов власти в сфере уголовного судопроизводства. Многие из них сохранили свою актуальность и до сегодняшнего дня.

Примечания

¹ Азаров, В.А. Институт судебного контроля в истории российского уголовного процесса: лекции / В.А. Азаров, П.К. Машак. — Омск: Юридический институт МВД России, 1999. — С. 6.

² См.: Чельцов-Бебутов, М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бебутов. — СПб.: Равена, Альфа, 1995. — С. 690.

³ Азаров, В.А. Институт судебного контроля в истории российского уголовного процесса: лекции. — С. 11.

⁴ Учреждения для управления губерний от 7 ноября 1775 г. // Российское законодательство X-XX веков. — М., 1987. — Т.5. — С. 276-277.

⁵ Там же. — С. 283.

⁶ См.: Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т.1 / И.Я. Фойницкий. — 3-е изд. — СПб.: АЛЬФА, 1996. — С. 36.

⁷ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года. Т.6 // Российское законодательство X-XX веков. — М., 1988. — С. 160-309.

⁸ Практически все правоведы той эпохи отмечали демократический характер судебной реформы (см., напр.: Глазер, Ю. Руководство по уголовному процессу. Т. 1 / Ю. Глазер. — СПб., 1884. — С. 7 и далее; Кистяковский, А. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда / А. Кистяковский. — СПб., 1868. — С. 171 и далее; Тальберг, Д.Г. Русское уголовное судопроизводство: пособие к лекциям / Д.Г. Тальберг. — Вып. 1. Т. 2. — Киев, 1891. — С. 135 и др.).

⁹ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. Ч. 2. — СПб., 1867. — С. 7.

¹⁰ Глазер, Ю. Руководство по уголовному процессу. Т. 1. — С. 35.

¹¹ Там же. — С.36.

¹² Там же. — С.40.

¹³ Духовской, М.В. Русский уголовный процесс / М.В. Духовской. — М., 1902. — С.317.

¹⁴Люблинский, П.И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия / П.И. Люблинский. – СПб.: Сенатская типография, 1906. – С.490–491.

¹⁵Полянский, Н.Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность: лекции / Н.Н. Полянский. – М., 1911. – С. 87.

¹⁶К их числу относились преступления, за которые могло быть назначено наказание в виде: 1) выговора, замечания или внушения; 2) денежного взыскания в размере, не превышающем 300 рублей; 3) ареста не свыше 3 месяцев; 4) тюремного заключения на срок до одного года (ст. 33 Устава).

¹⁷Духовской, М.В. Русский уголовный процесс. – С. 318.

¹⁸Там же. – С. 317.

¹⁹Цит. по: Азаров, В.А. Институт судебного контроля в истории российского уголовного процесса: лекции. – С. 44.

²⁰Случевский, В. Учебник русского уголовного процесса / В. Случевский. – СПб., 1910. – С. 392.

²¹См. подробнее: Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т.1. – С. 322.

*С.И. Вершинина**

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Как и любая публичная отрасль, уголовно-процессуальное право обеспечено специальным видом государственного принуждения, гарантирующим нормальный ход процессуальной деятельности. В теории права под принуждением понимается физическое, психическое или иное воздействие уполномоченных на то органов государства и должностных лиц на сознание и поведение субъектов посредством применения к ним в установленном законом порядке принудительных мер, связанных с наступлением для последних отрицательных последствий личного, имущественного или организационного характера¹.

В уголовно-процессуальной науке понятие принуждение рассматривается с учетом специфики процессуальной деятельности, при этом акцент в исследованиях делается не на самом принуждении, а на мерах процессуального принуждения. Различия между данными дефинициями

* © Вершинина С.И., 2007

Вершинина Светлана Ивановна – канд. юрид. наук, доцент, филиал Самарского государственного университета г. Тольятти